

ПЯТЬ
МИНУТ
до рассвета

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

— Riddler —

18+

Riddler Dark

Пять минут до рассвета

«Автор»

2026

Dark R.

Пять минут до рассвета / R. Dark — «Автор», 2026

Говорят, самое темное время суток — перед рассветом. Для Селины этим испытанием стал старший брат её парня. Макс — светлый, надежный и любящий. Дамиан — его полная противоположность: циничный боец по кличке Дьявол, человек с холодным взглядом, острым языком и слишком большим количеством тайн. Оказавшись запертыми в четырех стенах одной квартиры, они пытаются игнорировать друг друга. Но напряжение между ними становится слишком сильным. Как далеко они зайдут, живя под одной крышей? И что случится, когда время на часах истечет?

© Dark R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: 08:00	5
Глава 2: 08:30	11
Глава 3: 08:55	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Riddler Dark

Пять минут до рассвета

Глава 1: 08:00

Солнце беспощадно палило с самого утра.

Воздух казался тяжелым и вязким, будто его можно было потрогать руками. Конец августа, а жара всё никак не хотела отступать, словно июль решил задержаться еще на пару недель.

Страннее всего было то, что вокруг уже чувствовалось приближение осени.

Листья на деревьях пожелтели раньше времени и сухими россыпями лежали на земле. Трава потеряла свой привычный цвет, выгорев под палящими лучами солнца. Если бы не раскаленный воздух, можно было бы подумать, что наступила не середина лета, а самый разгар осени.

- Селина, подай ту коробку, - попросил Макс, указывая на коробку с надписью «Тетради и конспекты».

Он выглядел так, будто последние полчаса провел не на улице, а под душем. Его русые волосы прилипли ко лбу, а из-за влажности стали казаться темнее. Между бровей появилась привычная складка - та самая, которая появлялась каждый раз, когда он слишком сильно сосредотачивался.

Я подняла коробку и сразу поняла, что переоценила свои силы.

- Макси, не хмурься так. Еще одна морщинка — и она останется навсегда.

Он только посмотрел на меня усталым взглядом.

- Меньше слов, больше дела. Нам еще завтра с утра нужно ехать подавать документы на перевод, помнишь?

- Как я могу забыть, если мне об этом каждый день напоминает староста бывший староста, - поправила я и улыбнулась.

Я передала коробку ему и подошла ближе.

- Как думаешь, в этом году у тебя появится конкурент? Или конкурентка?

Обняв его со спины, я почувствовала, как он сразу напрягся и через секунду осторожно отстранил меня.

- Селина, перестань. Я весь мокрый от жары. Ты тоже. И я же говорил тебе не надевать эти черные вещи в такую погоду.

Я закатила глаза.

- Начинается.

- Я серьезно, - продолжил он. - Черный цвет сильнее нагревается, ты быстрее устанешь и можешь обгореть.

- Спасибо за лекцию, профессор Макс.

Я направилась к своей машине, а он только усмехнулся.

Сев за руль своего Fiat 500 Electric черного цвета, я опустила солнцезащитные очки и выглянула в окно.

- Я припаркуюсь. Только поставь коробку с ноутбуком в тень, пожалуйста. Он у меня и так уже пережил слишком многое.

- Хорошо, - крикнул Макс.

Я закрыла дверь и выехала на парковку.

Моя маленькая машина казалась почти игрушечной рядом с остальными автомобилями вокруг, но я любила её именно за это. Она была удобной, уютной и полностью моей.

В отличие от Volvo XC40 Макса.

Его машина стояла неподалеку - новая, идеально чистая, стального цвета. Он даже решил положить вещи только в багажник, боясь испортить салон.

Типичный Макс.

Паркинг был закрытым, как и весь жилой комплекс. Всё здесь говорило о том, что люди, живущие в этих домах, привыкли к комфорту.

Я - не совсем.

Макс вырос в семье, где такие вещи были нормой. Для меня же даже мысль о такой квартире сначала казалась чем-то невозможным.

Особенно когда я узнала, что жить нам придется не только вдвоем.

С его старшим братом.

Сначала я категорически отказалась.

Мне не хотелось делить пространство с человеком, которого я даже не знала. Но Макс быстро нашел решение.

Если мне так принципиально, я могу оплачивать свою часть.

Ну, мою «часть» - пять тысяч в месяц.

Остальное всё равно брали на себя они.

Я согласилась только потому, что альтернатива была не лучше. До этого я жила в университетском общежитии с двумя соседками, и перспектива снова делить маленькое пространство с кем-то меня совсем не радовала.

Единственное условие - как только появится возможность, мы съедем.

От мыслей меня отвлек звук телефона.

Новое сообщение.

«Как доехали? Как тебе квартира?»

Я улыбнулась.

Быстро набрала ответ и убрала телефон обратно в сумку. Корпус успел нагреться настолько, что держать его в руках стало неприятно.

«Доехали нормально. Моя малышка немного устала, сейчас отдыхает в тени. В квартиру еще не заходила, пошла парковаться. Позвоню, когда будет время. А ты как?»

Отправив сообщение, я направилась к подъезду.

Возле лифта стояла семья с маленьким ребенком. Подождав пару секунд, я решила не тратить время, всего четыре этажа. Что могло случиться? Спустя несколько минут я уже жалела о своем решении.

Поднявшись наверх с коробкой в руках, я вошла в квартиру совершенно разбитая. Кондиционер был включен на шестнадцать градусов, поэтому резкий холод заставил меня поежиться.

Контраст был почти болезненным.

Я поставила коробку возле двери.

- Макс?

- Здесь! В ванной! По коридору и направо!

Я прошла дальше и увидела его раскладывающим вещи на полках.

- Ты мог бы сделать это позже. Иди лучше в душ, а я пока перенесу вещи.

- Я уже почти закончил.

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

- Только, пожалуйста, разложи мои вещи по цветам.

- Непременно, а еще я могу составить им семейное древо и определить, какая футболка самая достойная быть предком.

Он только покачал головой.

- Я серьезно.

- Я тоже.

Я вышла из ванной, направилась в спальню, открыв дверь я замерла.

Хотя слово «спальня» здесь звучит слишком громко. Скорее место, где человек решил хранить все свои вещи и забыть о таком понятии, как порядок.

Футболки разбросаны где-то на кровати, где-то на кресле, а где-то, кажется, просто сдались и упали на пол от безысходности. В дальнем углу стоят черные кеды, а рядом аккуратно расположились такие же черные ботинки.

Интересно.

Человек либо очень любит черный цвет, либо однажды посмотрел на радугу и решил, что это слишком большая ответственность.

Комната была выполнена в темных оттенках: серый, белый, черный.

Никакого ощущения, что здесь живет человек, который вообще умеет радоваться жизни.

Хотя одно я должна признать — кровать была заправлена, и это уже достижение.

По крайней мере, этот человек не полностью проиграл войну с хаосом.

Я еще раз оглядываю комнату и только потом понимаю очевидное. Я ошиблась.

Прекрасно, Селина.

Первый день в новой квартире, а ты уже успела зайти в чужую спальню и изучить чужой уровень лени. Отличное начало. Закрываю дверь и направляюсь в другую часть квартиры. Наконец нахожу нужную комнату. Она сильно отличается от предыдущей.

Белые стены, минимум деталей, большая кровать размера king-size, два шкафа, аккуратное бюро с креслом на колесиках и балкон, с которого открывается красивый вид.

Вот это уже больше похоже на место, где можно жить.

Я ставлю сумки на пол и начинаю разбирать вещи.

Мой гардероб постепенно занимает свое место в шкафу. Платья, футболки, свитера - всё аккуратно складывается и развешивается.

Удивительно, но даже моя одежда выглядит более организованной, чем некоторые люди.

Я беру косметичку и задумчиво смотрю на свободные полки.

- И куда же тебя поселить? - спрашиваю я сама у себя. - Ты явно слишком красивая, чтобы просто лежать в сумке.

После недолгих размышлений ставлю её на полку.

Вот и всё.

Моя новая жизнь официально началась.

Правда, пока она больше похожа на переезд с элементами выживания.

Я сажусь на кровать и смотрю на свои вещи.

Еще утром я была в своем старом городе.

Еще утром всё было привычным.

А теперь у меня новая квартира, новый университет и совершенно незнакомая жизнь впереди.

Остается только надеяться, что всё пройдет спокойно.

Хотя, если честно, с моим везением это звучит как очень плохой прогноз.

Я откидываюсь на кровать и жду, пока Макс закончит принимать душ.

Честно говоря, после дороги и переезда у меня уже не осталось сил даже на то, чтобы двигаться.

Переезд всегда кажется хорошей идеей ровно до того момента, пока ты не понимаешь, что все твои вещи почему-то весят в три раза больше именно тогда, когда их нужно поднять.

Через несколько минут дверь ванной открывается, и в комнату заходит Макс.

Свежий, с влажными волосами и в чистой футболке.

Конечно, он выглядит так, будто только что вышел из рекламы средства для волос. Я прикрываю глаза, вдыхая запах его шампуня.

Макс останавливается возле двери и переводит взгляд на меня.

Точнее, на кровать.
Его лицо меняется.
- Селина.
Я медленно открываю глаза.
- Что?
- Ты легла на кровать?
Я смотрю на него, потом на кровать, потом снова на него.
- Нет, Макс. Я решила зависнуть в воздухе. Очень удобно, кстати.
Он не улыбается, нет. Это тот самый взгляд.
Взгляд человека, который сейчас собирается прочитать мне лекцию.
- Ты вся мокрая после жары. Ты только с улицы. Ты в пыли. И ты легла на чистую постель.
Я приподнимаюсь на локтях.
- Во-первых, спасибо, что перечислил все мои недостатки за последние пять минут.
Очень приятно. Ты был таким же, десять минут назад.
- Я серьезно.
- А я нет?
Он вздыхает.
- Селина.
Я оглядываюсь на белоснежную кровать.
- Макс, ты сейчас говоришь так, будто я пришла сюда после экспедиции в пустыню и решила устроить здесь археологические раскопки.
- Ты могла просто подождать.
Я смотрю на него пару секунд.
А потом улыбаюсь.
- Знаешь, самое смешное?
- Что?
- Раньше, до того, как я сюда пришла, на этой кровати отдыхал целый слой пыли.
Он молчит.
- Да-да, настоящий. Наверное, у него даже был свой характер. Может, имя ему дать?
Я делаю серьезное лицо.
- Пыль Петровна.
Макс пытается не улыбнуться, но у него не получается.
- Ты невозможная.
- Зато кровать теперь знает, что такое настоящая жизнь.
Он качает головой и подходит ближе.
- Просто в следующий раз сначала переоденься.
- Хорошо, мам.
- Селина.
- Ладно, ладно. Макс.
Я встаю с кровати, поправляя футболку, и беру вещи, чтобы пойти в душ.
- Пойду в душ, пока ты не вызвал службу спасения из-за одного пятнышка на простыне.
- Я просто хочу, чтобы здесь был порядок.
- Конечно. Ведь если на кровати появится одна складочка, квартира рухнет, а вместе с ней и твоя психика.
Макс только качает головой, а я улыбаюсь и ухожу в ванную.
Через несколько минут шум воды заглушает всё вокруг.
Я стою под теплым душем и наконец чувствую, как напряжение последних часов начинает уходить.
Иногда кажется, что ты готова к переменам.

А потом оказываешься посреди них и понимаешь, что понятия не имеешь, что делаешь. Но, наверное, именно так и начинается новая жизнь.

Когда я выхожу из ванной, на кровати уже лежит новая простыня.

Я смотрю на Макса.

- Ты серьезно?

Он даже не поднимает взгляд от телефона.

- Что?

- Ты реально поменял всё из-за того, что я просто легла на кровать?

- Она была чистая.

- Макс, я начинаю подозревать, что ты любишь эту квартиру больше, чем меня.

Он усмехается.

- Не драматизируй.

- Я? Никогда.

Я беру полотенце и бросаю его на кресло.

- Я вообще самый спокойный человек на свете.

Макс смотрит на меня.

- Ты вчера спорила с автоматом оплаты парковки.

- Потому что он был неправ.

- Это был автомат.

- Именно. У него не было права ошибаться.

Он смеется.

- Кстати, нам нужно купить продукты. – напоминаю ему я.

- Уже составил список.

Я замираю.

- Конечно, составил.

- Что?

- Ничего. Просто иногда мне кажется, что, если бы тебя оставили одного на необитаемом острове, ты бы первым делом составил расписание.

- Это не самая плохая идея.

- Макс!

Он смеется, а я только качаю головой.

Через полчаса последние вещи наконец оказываются на своих местах. В комнате становится уютнее. Даже мои черные футболки и плакаты с любимыми группами немного оживляют эти белые стены.

Я подхожу к балкону и открываю дверь. В лицо тут же ударяет теплый ветер. Город отсюда кажется совсем другим, незнакомым и шумным.

- О чем задумалась? - спрашивает Макс, подходя ко мне.

- О том, что я официально переехала за триста километров от дома.

- Жалеешь?

Я оборачиваюсь к нему.

- Спроси меня об этом через месяц.

Он усмехается.

- Договорились.

Несколько секунд мы стоим молча.

Где-то вдалеке сигналият машины. Кто-то смеется во дворе. Обычный день. Обычное утро.

- Ну что, мисс «я не люблю перемены», готова покорять новый город?

Я смотрю на него и улыбаюсь.

- Конечно.

А потом делаю паузу и добавляю:

- Но, если завтра выяснится, что твой брат серийный убийца, я хочу, чтобы ты знал: я говорила, что жить с незнакомцами - плохая идея.

- Он не серийный убийца.

- Откуда ты знаешь? Может, это именно то, что сказал бы брат серийного убийцы.

Макс закатывает глаза.

- Ты невозможна.

- Зато с чувством самосохранения.

Он качает головой и выходит из комнаты.

А я еще несколько секунд стою на балконе, глядя на незнакомый город.

Потом закрываю дверь и иду за ним.

В конце концов, это был всего лишь первый день.

Глава 2: 08:30

Мы купили продукты, а заодно прошлись еще по нескольким магазинам. Макс, как настоящий взрослый человек, пополнял запасы круп, бытовой химии и ещё чего-то настолько скучного, что я перестала слушать уже на третьей минуте.

Я же приобрела новую тушь и бальзам для губ. Мой предыдущий бальзам бесследно исчез неделю назад.

- Селина, ну ты скоро? - раздался голос Макса.

Он уже стоял возле кассы с таким выражением лица, будто мы находимся здесь не двадцать минут, а последние лет семь.

- Да иду я, иду, - ответила я, в очередной раз рассматривая носки.

Кто вообще придумал делать такой сложный выбор? Белые, черные, короткие, длинные, с авокадо, с котиками. Быстро хватаю те, что со Спанч Бобом, и бегу к кассе, где меня уже ждет человек, который, кажется, родился с расписанием в руках. Подойдя к кассе, я встретилась взглядом с кассиршей. Голубые глаза, уставший вид и волосы цвета блонд, которые выглядели так, словно пережили неудачный эксперимент. Честно говоря, они выглядели более уставшими, чем их хозяйка.

Я обернулась и сразу поняла, почему кассирша смотрела на меня так, будто я лично испортила ей весь день. Позади нас выстроилась очередь, не просто очередь, а настоящий человеческий поезд. Нет, даже экспресс. И судя по взглядам некоторых пассажиров, следующий пункт назначения - моя публичная казнь.

Маленький мальчик лет пяти держал в руках шоколадку и смотрел на меня с таким осуждением, будто я задолжала ему коробку конфет с любимыми персонажами из игры.

- Простите, - виновато улыбнулась я.

Женщина позади только тяжело вздохнула.

Макс закрыл глаза.

Кассирша тихо фыркнула, пробивая продукты.

Наконец, спустя вечность, которая по ощущениям длилась примерно два сезона какого-нибудь сериала, мы вышли из магазина.

- Ты специально это делаешь? - спросил Макс, складывая пакеты в багажник.

- Что именно?

- Всё.

- Очень расплывчатое обвинение.

- Ты знаешь, о чем я.

- Макс, если бы я специально создавала проблемы, поверь, ты бы уже заметил.

Он посмотрел на меня.

- Боюсь представить.

- Правильно.

Мы сели в машину. Через несколько секунд двигатель тихо заурчал, а из магнитолы полилась музыка, я тут же начала подпевать, точнее, попыталась, потому что примерно половину слов я не знала. Но кого вообще когда-либо останавливало отсутствие текста?

- Ты только что придумала три новых слова, —заметил Макс, не отрывая взгляда от дороги.

- Это называется творческий подход.

- Нет, это называется издевательство над языком.

- Великие люди никогда не были поняты при жизни.

- Ты не великая.

- А вот это было обидно.

За стеклом медленно проплывал город: незнакомые вывески, спешащие прохожие и длинные тени, растянувшиеся по асфальту. За высокими кронами деревьев вдруг замелькали яркие огоньки. Колесо обозрения медленно вращалось над крышами домов, а где-то между ним и каруселями мелькали разноцветные вспышки.

- О! Макси, смотри, там аттракционы! Давай сходим до начала учебного года?

Пальцы на руле едва заметно сжались.

- Селина, тебе сколько лет? Разве ты не выросла из всего этого?

- Нет. И, если однажды я перестану радоваться сахарной вате и американским горкам, можешь считать, что меня подменили.

- Лучше подтяни свой французский. На литературе он будет важнее, чем умение выигрывать плюшевых медведей в тире. И этот год нельзя провалить.

Я демонстративно выпрямилась в кресле.

- Je parle très bien français, mon amour, alors arrête de me juger trop vite. D'accord ? (Я отлично разговариваю на французском, так что перестань меня осуждать слишком быстро, любовь моя. Хорошо?)

Макс даже не повернул головы.

- Il faut aussi apprendre à bien écrire et à structurer tes idées, ma belle. (Тебе также нужно научиться хорошо писать и грамотно излагать свои мысли, моя красавица.)

Я прищурилась.

- Ты сейчас назвал меня «моя красавица»?

- Нет.

- Макс, я учу французский с шестнадцати лет.

- Тогда ты должна была понять, что это была фигура речи.

- Поздно. Мне уже понравилось.

Кажется, в этот момент он пожалел, что вообще начал этот разговор.

Остаток пути до дома прошёл в тишине, нарушаемой только моими попытками подпевать песням, которые я слышала впервые в жизни. Макс, как всегда, делал вид, что полностью сосредоточен на дороге, но я видела, как дёргается уголок его губ, когда я особенно виртуозно коверкала слова. Мы въехали на парковку. Выходя из машины, я потянулась и почувствовала, как хрустнула каждая косточка в спине.

В лифте я прижалась спиной к холодной металлической стенке, разглядывая наши отражения в зеркальных дверях. Выглядела я так, будто только что пережила клиническую смерть. Макс же - как будто он вышел с обложки глянца, даже с пакетами в руках.

Двери лифта открылись, и мы ввалились в квартиру. Прохладный воздух ударил в лицо, и я мысленно поблагодарила кондиционер, который, судя по всему, работал на полную мощность, чтобы создать в квартире эффект холодильной камеры.

- Давай, загружай продукты, - скомандовал Макс, ставя пакеты на кухонный стол. - Я пока разберусь с покупками в ванной.

Он исчез в коридоре, а я осталась один на один с холодильником, который выглядел так пусто и безнадежно, как моя душа, когда я понимаю, что забыла купить шоколад. Я начала раскладывать продукты.

Овощи на нижнюю полку. Йогурты - в дверцу, потому что им так удобнее жить. Молоко - на среднюю. Мясо - в морозилку. Мой желудок предательски заурчал.

Достав из пакета огурец, я задумчиво покрутила его в руках, а потом откусила прямо так, не помыв. Макс, появившийся в дверях, застал меня за этим занятием.

- Ты помыла его?

Я посмотрела на огурец, потом на него. Потом снова на огурец.

- Ему нравится быть нематым. Он так чувствует себя ближе к природе.

- Селина.

- Что?

Просто помой.

- А ты можешь просто наслаждаться моментом?

Он шумно выдохнул и закатил глаза, но в его взгляде мелькнула та самая усталость, которая появляется у людей, понявших, что бороться с некоторыми вещами бесполезно. Особенно со мной.

Когда холодильник был заполнен до состояния «среднестатистический европеец не умрёт с голоду», мы переместились в гостиную. Я рухнула на диван, раскинув руки в стороны, и устала в потолок.

- Как думаешь, если я здесь умру, ты будешь оплакивать меня или просто попросишь квартплату за следующий месяц?

- Ты не умрёшь, - Макс сел в кресло напротив. - Ты слишком раздражающая, чтобы умереть.

- О, спасибо. Ты просто мастер комплиментов.

- Я знаю.

Наступила пауза. Я повернула голову к балкону, за которым уже начинало смеркаться. Солнце медленно опускалось за крыши домов, окрашивая небо в розовые и оранжевые оттенки. Тишина в квартире была почти осязаемой. Только где-то на кухне тикали часы, да за окном изредка доносился гул машин.

- Скучно, - сказала я в пустоту. - Серьёзно. Я переехала в другой город, а чувствую себя как пенсионерка на даче.

- У тебя вся жизнь впереди.

- С тобой, которая будет состоять из раскладывания продуктов и напоминаний о том, что я не помыла огурец. Звучит эпично.

Макс лишь усмехнулся и взял в руки книгу, которую я даже не заметила на журнальном столике. Я перевела взгляд на потолок и задумалась. Через неделю начнутся пары. Новая группа. Новые преподаватели. И, конечно, старый добрый страх, что я ничего не понимаю, выучу не тот билет или просто упаду в обморок от переутомления в первый же день.

Через несколько минут тишину гостиной нарушил звук закрывающейся книги. Макс поднялся с кресла и потянулся.

- Нужно приготовить что-нибудь на ужин.

Я медленно повернула голову в его сторону.

- Макс, мы только что пережили переезд и поход по магазинам. Мне кажется, сегодня организм заслужил право просто существовать.

- Организму нужен полноценный ужин.

- Организму нужен диван и хороший фильм с шоколадом и чипсами.

- Организму нужен белок и овощи.

- Мой организм сейчас требует шоколад.

Макс посмотрел на меня тем самым взглядом.

Тем самым, который говорил: «Я тебя люблю, но иногда мне хочется проверить, насколько далеко можно бросить человека с четвертого этажа».

- Даже не начинай.

- Я и не хотела.

- Именно поэтому я и переживаю.

Я фыркнула и поднялась с дивана.

На кухне что-то громко звякнуло. Послышался недовольный шепот.

- И чем тебя кухня не устроила?

- Да просто... я не понимаю, как пользоваться этими штуками.

Мой взгляд упал на столешницу.

Передо мной находилось огромное количество кухонной утвари, половину которой я видела впервые в жизни.

Какая-то странная лопатка, несколько ножей непонятного назначения, формы, контейнеры и еще куча вещей, которые выглядели так, будто их покупали специально для участия в кулинарном шоу.

- Кухня какого-то шеф-повара, не иначе, - пробормотала я.

А потом не удержалась и начала пародировать:

- Светлана, я не слышу хруста безе!

- Селина.

По голосу уже было понятно, что шутка не зашла.

Но я, как обычно, решила проверить, насколько всё плохо.

- Что? Я просто пытаюсь помочь.

- Ты можешь хотя бы пять минут побыть нормальным адекватным человеком, а не вести себя как ребенок?

Улыбка медленно исчезла с лица.

- Ты серьезно?

- Да, серьезно, - голос стал громче. - Ты вообще когда-нибудь можешь просто спокойно сделать что-то без этих постоянных шуток?

На несколько секунд на кухне стало тихо, настолько тихо, что было слышно, как где-то капает вода из крана. Я не сразу поняла, что именно меня задело. Наверное, не сами слова, а то, как он их сказал.

- Знаешь что?

Голос прозвучал холоднее, чем хотелось.

- Готовь свой ужин сам.

Не дожидаясь ответа, я вышла из кухни и закрыла дверь чуть сильнее, чем собиралась. Я плюхнулась на диван, схватила пульт и начала переключать каналы. Один. Второй. Третий. Я даже не смотрела, что там показывали.

Через несколько минут раздался шаг, сначала медленные, будто человек не был уверен, стоит ли подходить. Потом быстрее.

- Сели...

Я не ответила.

- Селина.

Пауза.

- Прости.

Палец остановился на кнопке пульта.

- Просто я правда устал сегодня. Переезд, вещи, дорога...

Он сел рядом, оставляя небольшое расстояние между нами.

- Я не хотел, так сказать.

Я посмотрела на экран.

- А сказал.

- Да.

Он не стал оправдываться.

И это почему-то раздражало меньше.

- Просто иногда мне кажется, что ты превращаешь всё в шутку.

Я повернула голову.

- А иногда мне кажется, что ты превращаешь всё в инструкцию.

Несколько секунд мы молчали.

- Возможно, - тихо сказал он.

И это было неожиданно.

Потому что Макс редко признавал, что может быть неправ.

- С тебя три шоколадки с фундуком, коробка мороженого и пачка чипсов.

Макс поднял бровь.

- Ты серьезно?

- Абсолютно.

- За что именно?

Я посмотрела на него с самым невинным выражением лица.

- За моральный ущерб.

- Я просто повысил голос.

- Именно. Моей тонкой душевной организации был нанесен непоправимый вред.

- Тонкой?

- Не цепляйся к деталям.

Он тихо усмехнулся.

- Ладно. Договорились.

Я прищурилась.

- И еще одна шоколадка.

- Почему?

- За то, что согласился слишком быстро. Подозрительно.

- Ты невозможная.

- Знаю.

На этот раз улыбка появилась у него без попыток её скрыть.

Мы всё-таки вернулись на кухню.

Макс закончил готовить ужин, а я выполняла крайне ответственную роль - сидела на столешнице и давала бесполезные советы.

- Мне кажется, сюда нужно больше соли.

- Ты даже не попробовала.

- Мне не обязательно. У меня талант.

- У тебя талант мешать.

- Это тоже талант.

В итоге ужин получился нормальным.

После еды мы долго спорили, какой фильм посмотреть.

Точнее, спорила я.

Макс просто пытался выбрать что-то, где никто не бежит, не кричит и не взрывается каждые пять минут.

То есть практически исключить половину существующего кинематографа.

- Комедия.

- Нет.

- Почему?

- Ты будешь комментировать весь фильм.

- Я не комментирую.

Он посмотрел на меня.

- В прошлый раз ты пять минут объясняла главному герою, почему его решение было глупым.

- Потому что оно было глупым.

- Это фильм.

- Всё равно.

В итоге победил какой-то фильм, название которого я забыла уже через десять минут.

Я лежала на диване, завернувшись в плед, а Макс сидел рядом. Когда фильм закончился, часы показывали уже поздний вечер. Я даже почти начала думать, что, возможно, всё

будет нормально. Обычно после таких мыслей жизнь воспринимала это как личный вызов. Мы пошли в комнату, Макс принял первым душ и уже валялся на кровати, я пошла следом в душ, переоделась и упала на кровать. Тело требовало только одного - сна. И первые пару часов именно так и было, пока среди ночной тишины меня не разбудил звук открывающейся двери. Сначала я даже не поняла, что именно меня разбудило, я открыла глаза и несколько секунд просто смотрела в темноту. Теперь я отчетливее слышала: чьи-то шаги, а затем женский смех. Затем все затихло как по щелчку, я уже хотела закрыть глаза, когда услышала звук открывающейся двери, это была соседняя спальня.

Я замерла, это была комната, в которую утром я случайно зашла и успела вынести вердикт о человеке, которого даже не знала. Человек, который, судя по всему, сейчас решил добавить к своему образу еще одну деталь. Полное отсутствие уважения к чужому сну. Я закрыла глаза и попыталась игнорировать происходящее. Получалось плохо, да что там, очень плохо.

Через пару минут стало понятно, что заснуть сегодня мне не суждено. Прекрасно, просто великолепно. Я оглянулась, Макс спал, будто его накачали снотворным.

Я замерла, прислушиваясь к тишине, которая почему-то казалась громче любых звуков. А потом они начались.

Сначала - приглушённый смех. Женский. Тот самый, что я слышала в прихожей, но теперь он звучал иначе, он пробивался сквозь стену, как вода сквозь трещину в бетоне, и я почему-то не могла отвести взгляд от тёмного потолка.

Я перевернулась на бок и натянула одеяло до самого подбородка.

Затем мой слух выловил мужской голос низкий, хриплый, с лёгкой усмешкой. Я не разбирала слов, но интонация была понятна без перевода – он что-то говорил ей, отчего та снова рассмеялась, а потом тихо, почти жалобно, застонала.

- Боже, - прошептала я в подушку.

Женский голос что-то прошептал в ответ. Что-то упало на пол – возможно, одежда. Или моя надежда когда-либо снова уснуть.

Я зажмурилась, но звуки никуда не исчезли.

Напротив, они стали более отчётливыми.

Ритмичный стук кровати о стену. Дребезжание металлических ножек по паркету – оно совпадало с каждым движением, и я почему-то начала считать. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Но быстро сбилась. И тут же услышала, как мужчина что-то прорычал сквозь зубы. Низко, почти зверино. А потом женский голос сорвался на высокую ноту - ту самую, после которой обычно следует либо продолжение, либо тишина.

Продолжение не заставило себя ждать.

Стон, но теперь уже намного громче, чем раньше. Более требовательный. И снова этот ритм, от которого я чувствовала себя так, будто нахожусь в центре съёмок фильма для взрослых, где мне не выдали сценарий и забыли предупредить о начале.

- Не могу - донеслось из-за стены, и я даже не поняла, кому принадлежал этот голос - ей или ему.

Моё лицо начало гореть. Я не знала, почему. Мне не было стыдно. Или не было? Я не могла разобраться. Просто от того, как чужой мужской голос срывался на полувздохе-полустоне, по коже побежали мурашки, и я возненавидела себя за это.

Я снова перевернулась. На спину. Потом на живот. Одеяло запуталось в ногах, и я скинула его, потому что стало слишком жарко.

В соседней комнате кто-то засмеялся тихо и довольно. А потом послышался шёпот, который был хуже любых стонов, потому что в нём была интимность, которую невозможно подделывать. И я, дура, почему-то представила себе их там.

Он что-то шепнул ей на ухо, и она ответила:

- Ещё

Я закатила глаза. Это было слишком.

Но звуки не прекращались, скрип кровати стал быстрее, отрывистее. Я слышала, как её дыхание сбивалось, как он дышал тяжело и сдавленно

Она вскрикнула. Коротко, резко. А он - выдохнул так, что я почувствовала этот выдох даже через стену. Он был глубоким, почти облегчённым, как будто он сбрасывал с себя что-то тяжёлое. На мгновение наступила тишина. Я выдохнула, сама не заметила, что не дышала. И тут же услышала, как он что-то тихо сказал. Снова этот низкий голос. И она рассмеялась в ответ - счастливо, легко.

- Подожди... - шепнула она.

Снова скрипнула кровать. На этот раз мягко и медленно, словно это было лишь началом. И я поняла, что сейчас будет второй раунд.

- Ну конечно, - прошептала я в пустоту.

Я закрыла глаза и натянула подушку на голову. Это не помогло. Подушка была тонкой, а звуки были слишком громкими.

Второй раунд был не таким долгим, но почему-то более интенсивным.

Я лежала, сжавшись в комок, и пыталась думать о чём угодно, кроме того, что происходит в десяти метрах от меня. Водопроводные трубы? Нет, слишком скучно. Предстоящая учёба? Слишком страшно.

Я начала перечислять в уме всё, что мы купили сегодня. Молоко, хлеб, яйца, огурцы, сыр, чай, сахар, печенье, гречка, мясо.

- Гречка забыли гречку - беззвучно прошептала я.

За стеной кто-то застонал так громко, что я вздрогнула и сбилась со счёта.

- Ненавижу, - прошептала я, и непонятно было – что именно.

На этот раз тишина наступила окончательная. Я слышала только собственное дыхание и стук сердца, который, казалось, отдавался в ушах.

И тихий, почти неслышный смех, донесшийся из соседней комнаты.

Я снова перевернулась на спину и уставилась в потолок.

- Добро пожаловать в новую жизнь, Селина, - прошептала я.

Глаза слипались, а адреналин начинал потихоньку отпускать.

Я почти провалилась в сон, когда услышала, как в соседней комнате открывается дверь. Кто-то прошёл в ванную, и через несколько минут я услышала шум воды.

Я медленно выдохнула и закрыла глаза. Наконец-то можно было спать, но мои мысли, как назло, не хотели успокаиваться. Я снова прокручивала в голове эти звуки.

- Просто забудь, - сказала я себе.

Сон пришёл не сразу, но, когда пришёл, был глубоким и тяжёлым, без сновидений.

Утро встретило меня не солнечными лучами и пением птиц, а тупой, ноющей болью в висках и ощущением, будто я вообще не ложилась.

Я лежала ещё несколько минут, уставившись в белый потолок, и пыталась понять, сколько сейчас времени, но единственным источником информации были полосы света, пробивающиеся сквозь щели в шторах, и тишина, которая казалась почти оскорбительной после всего того, что я пережила прошлой ночью.

Тело не слушалось, каждая мышца ныла от неудобной позы и недостатка сна, но я заставила себя сесть, провела ладонями по лицу, словно это могло смыть с меня остатки бессонницы, и обернулась на Макса, который всё ещё спал с безмятежным выражением лица и даже не шевелился. И я на мгновение почувствовала вспышку глухого раздражения от того, что он спал себе спокойно, пока я мучилась под аккомпанемент чужого счастья за стеной. Я бесшумно спустила ноги с кровати, нащупала босыми ступнями прохладный пол и, стараясь не шуметь, поплелась в ванную, где долго смотрела на своё отражение в зеркале, и оттуда на меня смотрели

рела помятая, бледная девушка с тёмными кругами под глазами и растрёпанными волосами, которые напоминали гнездо после урагана.

Вода из крана приятно холодила пальцы, и я умылась, чувствуя, как прохлада возвращает меня к жизни, пусть и очень медленно, а потом долго водила щёткой по зубам, глядя в одну точку и пытаясь не думать о том, кто сейчас находится в соседней комнате и в каком состоянии он проснулся после вчерашнего марафона. Расчесала колтуны на своих темных волосах цвета шоколада, подвела карие глаза каялом, а губы бальзамом. Натянув на себя чистую футболку и джинсы, я выскользнула из ванной и направилась на кухню, потому что единственное, что могло спасти это утро, находилось в холодильнике, а когда я уже почти дошла до кухонной двери, то услышала голоса, которые заставили мои ноги замереть на месте, а сердце на мгновение остановиться, а потом забиться с удвоенной скоростью где-то в горле.

На кухне было светло, солнечный свет заливал помещение, играя на белых поверхностях и отражаясь от металлических деталей техники. Я застыла в дверном проёме, чувствуя, как внутри что-то сжимается и разжимается одновременно, потому что за столом сидел Дамиан, старший брат Макса, который выглядел так, будто только что вышел из рекламы дорогого кофе - свежий, с влажными, небрежно зачёсанными назад тёмными волосами, в чёрной футболке, которая обтягивала широкие плечи, и с кружкой в руках, которую он держал так, будто это было продолжение его собственного тела.

Рядом с ним сидела девушка, она выглядела так, будто только что вышла с обложки модного журнала, даже несмотря на то, что её волосы были слегка растрёпаны, а на губах играла довольная, ленивая улыбка, которая говорила о том, что эту ночь она провела явно лучше, чем я, и её короткий шёлковый халат небрежно запахнут, открывая стройные загорелые ноги, которые она скрестила под столом, глядя на Дамиана с таким выражением, будто он был центром её вселенной. Я стояла в дверях, чувствуя себя лишней, неуместной, как гостья, которая пришла не в тот день и не на ту вечеринку, и мои пальцы машинально сжались в кулаки, потому что я не знала, что делать – то ли поздороваться, то ли развернуться и уйти, то ли придумать остроумную шутку, которая разрядит обстановку, но вместо этого я просто смотрела на них.

Девушка подняла на меня взгляд, и в нём не было ничего, кроме лёгкого любопытства и снисходительной улыбки, и я почувствовала себя маленькой и глупой в своей старой футболке и потёртыми джинсами.

- Доброе утро, - сказала она, и голос её был мягким, тягучим, как мёд, с лёгкой хрипотцой.

Я просто кивнула и пробубнила что-то невнятное, что должно было изображать приветствие, а потом перевела взгляд на Дамиана, который даже не поднял головы, просто продолжал пить свой кофе, и я видела, как его пальцы, длинные и сильные, сжимали кружку.

Я неуклюже пробралась к холодильнику, открыла дверцу и уставилась внутрь, делая вид, что очень занята выбором продуктов, хотя на самом деле просто пыталась собраться с мыслями и перестать чувствовать на себе взгляд девушки, которая явно меня изучала.

Быстро схватила первую попавшуюся пачку йогурта, даже не глядя на вкус, и быстро закрыла холодильник, чтобы скрыться в спальне. Повернулась и столкнулась взглядом с Дамианом, который наконец-то поднял голову, и его глаза, голубые, такие безжизненные и холодные, смотрели на меня с таким безразличием, будто я была частью мебели, которую можно либо заметить, либо игнорировать по желанию.

- Ты Селина? - спросил он, и голос его звучал сухо, ровно, без всякой интонации, как будто он просто проверял факт, который уже знал, но хотел убедиться, и я кивнула, чувствуя, как язык прилипает к нёбу, и он коротко хмыкнул, а потом повернулся к девушке и что-то тихо сказал, и она снова засмеялась, легко и беззаботно, и я почувствовала себя глупо, стоя посреди кухни с йогуртом в руках, похожая на испуганного зверька, которого загнали в угол.

В этот момент в коридоре раздались шаги, и на кухню вошёл Макс, который выглядел ещё сонным, но уже улыбался, потому что, видимо, его ночь прошла спокойно, и он ничего не

слышал, и я завидовала ему с такой силой, что у меня внутри всё сжалось в тугой узел, когда он подошёл ко мне и чмокнул в макушку, а потом перевёл взгляд на брата и девушку и сказал совершенно обыденным тоном: «Привет, вы уже проснулись», как будто это было нормально - видеть незнакомую девушку на своей кухне в халате после того, как она всю ночь занималась тем, что лишала сна его собственную девушку.

Дамиан коротко кивнул в ответ, и я заметила, как уголок его губ дёрнулся в лёгкой усмешке, и он перевёл взгляд на меня, а потом обратно на брата, и в этом взгляде мелькнуло что-то такое, отчего мне стало не по себе и я почувствовала, как внутри закипает раздражение, смешанное с неловкостью, и я хотела провалиться сквозь землю, чтобы не видеть ни его насмешливых глаз, ни её довольной улыбки, ни того, как Макс совершенно спокойно открывает холодильник и начинает доставать яйца, словно не замечая напряжения, которое витало в воздухе.

Глава 3: 08:55

Пока Макс готовил, я поспешила в нашу с ним комнату, чувствуя, как внутри закипает лёгкая паника, потому что я совершенно не подготовила свои документы, как того требовал Макс ещё вчера, и если он застанет меня сейчас, в последний момент, лихорадочно роющейся в сумках и тетрадях в поисках этих чёртовых бумажек, он устроит такой скандал, что стены нашей новой квартиры, которые и так уже видели достаточно за прошедшую ночь, станут свидетелями ещё одной драмы, и мне почему-то совсем не хотелось устраивать представление для Дамиана и его спутницы. Я рухнула на колени перед грудой вещей, которые мы так и не разобрали до конца, и начала лихорадочно перебирать тетради, конспекты, какие-то старые чеки и обёртки от шоколадок, которые каким-то чудом оказались среди учебников, и мой голос, раздражённый и немного отчаянный, вырвался наружу, когда я снова и снова перебирала одни и те же вещи, не находя того, что ищу.

– Да ну блин, где они? – прошептала я, обращаясь скорее к себе, чем к кому-то ещё, и мои пальцы дрожали от досады, потому что я знала: где-то здесь лежала та самая папка с документами, которая должна была стать моим билетом в новую жизнь, но сейчас она, кажется, решила сыграть со мной в прятки, и я проигрывала с катастрофическим счётом.

Я села на пятки, хлопнула себя ладонями по коленям, глубоко вдохнула, а затем медленно выдохнула, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце и привести мысли в порядок, потому что паника никогда не помогала найти потерянные вещи, а только усугубляла ситуацию, превращая поиски в хаотичное метание по комнате, и я понимала, что без помощи Макса, который всегда знал, где что лежит, даже если сам туда это не клал, мне не справиться. Я, не вставая с колен, повернула голову к двери и крикнула, стараясь, чтобы голос звучал достаточно громко, но при этом не истерично, хотя внутри всё буквально кипело от раздражения на саму себя и на свою неорганизованность, которая подвела меня в самый неподходящий момент.

– Макс, ты видел мои документы на подачу в универ? – крик вырвался из груди с ноткой отчаяния, и я прикусила губу, ожидая ответа.

– Я и твои, и мои документы сложил в стопку в гостиной! – донеслось из кухни, и голос Макса звучал ровно и спокойно, как у человека, который предусмотрел всё и не испытывает ни капли сомнения в том, что его решение было правильным. – Собирайся, иначе не успеем!

Я выдохнула с облегчением, чувствуя, как напряжение отпускает плечи, и поднялась с колен, отряхивая пыль с джинсов, потому что, конечно же, Макс, как всегда, предусмотрел всё, разложил, подписал и даже, наверное, пересчитал все бумаги по три раза, чтобы убедиться в их наличии, в то время как я просто надеялась, что они сами собой найдутся, но в глубине души я знала, что могу положиться на него, даже когда сама облажалась по полной программе.

Я вышла из комнаты и направилась обратно на кухню, и когда я переступила порог, обстановка осталась практически такой же, как и полчаса назад, за исключением того, что теперь Макс, вместо того чтобы возиться с плитой, стоял у стола и оживлённо разговаривал с девушкой Дамиана, и на его лице играла та самая довольная улыбка, которая появлялась каждый раз, когда он находил общий язык с новыми людьми, и я почувствовала лёгкий укол ревности или, скорее, лёгкое раздражение от того, что он так быстро и легко вписался в эту новую реальность, пока я всё ещё пыталась привыкнуть к мысли, что мой сон теперь будет зависеть от настроения соседа по квартире.

– Сели, ты познакомилась с Изабель? – спросил Макс, оборачиваясь ко мне с сияющими глазами, и я поняла, что он уже успел узнать имя девушки и, кажется, даже обсудить с ней что-то важное, потому что он выглядел так, будто они были старыми друзьями. – Девушка Дамиана, она учится с нами в одном университете, представляешь? Перевелась в этом году, как и мы!

Я на мгновение замерла, переваривая эту информацию, и мой взгляд переместился с Макса на Изабель, которая сидела на том же месте, с той же лёгкой, почти ленивой улыбкой, но теперь, когда я знала её имя, она казалась мне ещё более реальной и ещё более опасной, потому что она была не просто случайной ночной гостьей, а человеком, который будет появляться здесь регулярно, возможно, даже каждый день.

– Класс! – выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более искренне и радостно, хотя внутри я чувствовала себя неловко, потому что я, сама того не желая, представляла Изабель в той самой комнате с тёмными стенами, и в моей голове всплывали подробности, которые я бы предпочла забыть, но они упрямо лезли на поверхность, заставляя мои щёки покрываться лёгким румянцем, который я надеялась, никто не заметит. – Я Селина.

– Приятно познакомиться, – сказала Изабель и протянула мне руку через стол, и её жест был таким естественным и уверенным, что я не могла не ответить на него, и моя ладонь соприкоснулась с её ладонью, и я почувствовала, что её рука была тёплой и мягкой, а в моей – прохладной и чуть влажной от волнения, и я мысленно выругала себя за эту нервозность.

А потом, в тот самый момент, когда мои пальцы сжали её пальцы в ответном рукопожатии, я вспомнила всё то, что слышала прошлой ночью, и меня передёрнуло. Я быстро отпустила её руку и сделала шаг назад.

– Взаимно. Макси, если ты готов, давай уже поедem и подадим эти документы. Я уже превращаюсь в тебя, не прошло и двух дней.

Я прошла в гостиную, взяла документы и вышла на улицу, там вдохнула полную грудь воздуха и поспешила на парковку. Через несколько минут дверь с водительской стороны хлопнула.

– Ты чего это? Что с тобой? С утра будто не с той ноги начала день? – начал своё нападение Макс.

– Макс, прошу, не начинай. Это не ты вчера слышал личную жизнь двух индивидов и увидел их же на кухне на следующее утро.

– То есть ты хочешь сказать, что слышала, как мой брат и его девушка занимались своими личными делами вчера ночью? И что в этом такого? Они же парень с девушкой. Это мы с тобой святоши, до свадьбы ни-ни.

Против воли из моей груди вырвался смешок.

– Да, точно.

– А если честно, может, и нам попробовать, Сели?

– Макс. Прошу, ты сам знаешь, почему именно так, и у меня к тебе просьба: давай впредь не будем об этом.

Я уставилась в лобовое стекло, наблюдая, как на раскалённый капот падает сухой лист с дерева. Слова Макса до сих пор висели в душном салоне машины, как плохо смытый освежитель воздуха. Его внезапная романтическая смелость выглядела настолько чужеродно, будто отличник-первокурсник попытался прочесть рэп на латыни.

– Я же просто предложил, Сели, чего ты сразу

Макс заметно смутился, его пальцы крепче сжали руль, а взгляд упрямо уткнулся в зеркало заднего вида. Машина плавно влилась в городской поток. За окном мелькали незнакомые вывески магазинов, серые фасады старых зданий и ленивые пешеходы, прячущиеся под козырьками автобусных остановок от утреннего пекла. Город уже жил своей суетливой жизнью, в которую мы с Максом пытались втиснуться со своими коробками и незакрытыми гештальтами. Я откинулась на подголовник и прикрыла глаза.

Мы удачно сдали документы, нас записали, и мы ехали обратно домой. И с какой же надеждой в сердце я ехала, лишь бы дома не было Дамиана и его подружки. Это, конечно, маловероятно, поэтому придётся терпеть. За окном снова потянулись те же безликие многоэтажки, перемежающиеся редкими островами увядающей зелени.

Лифт поднял нас на четвёртый этаж в абсолютном молчании. Макс бережно нёс подмышкой папку с квитками о приёме документов, будто это была как минимум декларация независимости, а я лениво плелась сзади, разглядывая мыски своих гранжевых кед. Дверь тихо поддалась, и из глубины квартиры на нас снова пахнуло леденящим кондиционерным холодом. Я зашла первой, на всякий случай затаив дыхание, и сразу же уставилась на вешалку в прихожей. Чёрная кожаная куртка Дамиана, украшенная какими-то металлическими заклёпками, сиротливо висела на крючке. А вот женской сумочки или чужих туфель на горизонте не наблюдалось.

– Минус один, – едва слышно пробормотала я, скидывая обувь.

– Ты о чём? – спросил Макс, аккуратно разуваясь и ставя свои кроссовки строго параллельно плинтусу.

– О том, что главная солистка ночного хора, кажется, покинула здание. Можем временно ослабить бдительность.

Я прошла в гостиную и замерла. Дамиан обнаружился на диване. Он сидел, откинув голову на спинку и вытянув свои длинные ноги в неизменных чёрных джинсах прямо на журнальный столик – прямо на ту самую стопку журналов, которую Макс утром так бережно выравнивал по линейке. В руке у него был телефон, а на груди покоился открытый ноутбук. Шрам над его бровью слегка дёрнулся, когда он медленно перевёл свои светло-голубые, пустые глаза на нас. Я молча прошла на кухню, стараясь не смотреть в его сторону, и открыла холодильник, делая вид, что очень занята поисками чего-то съестного, хотя на самом деле мне просто хотелось оказаться подальше от его пронзительного взгляда, который, как мне казалось, видел все мои мысли и чувства, словно я была прозрачной, и это ощущение было настолько неприятным, что я готова была стоять у открытой дверцы холодильника вечно, лишь бы не встретиться с ним взглядом.

Макс подошёл ко мне сзади и положил руку мне на плечо, и его прикосновение было тёплым и уверенным, как якорь, который возвращал меня к реальности и напоминал, что я здесь не одна, что у меня есть союзник, и что бы ни думал обо мне Дамиан, это не должно меня волновать, потому что я приехала сюда не для того, чтобы заслуживать чьё-то одобрение, а для того, чтобы жить своей жизнью.

– Селина, хочешь, я приготовлю обед? – спросил Макс, и его голос звучал мягко и заботливо, и я почувствовала, как напряжение начинает потихоньку отпускать мои плечи, и я повернула голову и улыбнулась ему, стараясь, чтобы улыбка была искренней, хотя на самом деле мне хотелось просто закрыться в комнате и никого не видеть, хотя бы час, чтобы переварить всё, что случилось за последние сутки.

– Давай, я помогу тебе, – сказала я, и мы вдвоём начали доставать продукты из холодильника, и я чувствовала, как эта простая, будничная деятельность помогает мне успокоиться и переключиться. Мы резали овощи, обсуждая, что будем есть, и я почти забыла о присутствии Дамиана, который всё ещё сидел в гостиной с телефоном в руках, пока он вдруг не поднялся и не направился в нашу сторону, и я снова почувствовала, как по спине пробегает холодок.

– Я ухожу, – коротко бросил он, проходя через кухню к прихожей и даже не глядя на нас, и я заметила, как он на ходу натягивает кожаную куртку, и как металлические заклёпки звякают при каждом его движении, и этот звук был настолько характерным, что я, кажется, теперь буду ассоциировать его с присутствием этого человека навсегда.

– А как же обед? – спросил Макс, и в его голосе послышалось лёгкое удивление, будто он искренне надеялся, что брат присоединится к ним за столом и они смогут провести время как нормальная семья, но я знала, что это невозможно, потому что Дамиан был не из тех людей, которые сидят за одним столом с теми, кого считают чужаками.

– Некогда, – ответил тот, и дверь за ним захлопнулась с глухим стуком, который разнёсся по всей квартире, и я почувствовала, как внутри меня разливается странное облегчение, сме-

шанное с любопытством, потому что я не знала, куда он ушёл и с кем, и вернётся ли он сегодня вообще, и от этого незнания мне становилось одновременно легче и тревожнее.

– Он всегда такой? – спросила я, и в моём голосе прозвучала та самая нотка, которую я не могла контролировать – смесь любопытства и осуждения, и я тут же пожалела, что спросила, потому что не хотела показывать Макс, что меня вообще волнует поведение его брата.

– Он просто живёт своей жизнью, – ответил Макс, и в его голосе послышалась та самая усталость, которая появляется у людей, которые слишком долго объясняют очевидные вещи, и я поняла, что Макс давно смирился с тем, что его брат не из тех, кто будет подстраиваться под кого-то, и что эту квартиру мы делим не с человеком, а с его правилами, и эти правила жёсткие и непоколебимые, как его взгляд.

А потом был второй день, и третий, и четвёртый, и я начала привыкать.

На пятый день Макс ушёл в университет на какую-то встречу, и я осталась одна в квартире, и это было странное ощущение – быть одной в чужом пространстве, где даже стены, казалось, хранят отпечатки чужих жизней. Я сидела на диване, смотря сериал в телефоне, и пыталась не думать о том, что Дамиан может вернуться в любую минуту, и от этой мысли сердце начинало биться быстрее, и я злилась на себя за эту глупую реакцию. Чего мне его бояться, не съест же он меня в конце концов.

И он действительно вернулся. Я услышала, как поворачивается ключ в замке, и замерла, чувствуя, как кровь приливает к щекам, и я ненавидела себя за то, что не могу контролировать свои физические реакции на этого человека. Когда дверь открылась и он вошёл в прихожую, я сидела неподвижно, боясь пошевелиться, как будто могла стать невидимой, если затаю дыхание. Он прошёл через гостиную, даже не повернув головы, мне стало намного легче, и я выдохнула. Но сосредоточиться на сериале было уже невозможно.

Он вышел и направился в ванную комнату, через несколько минут послышались звуки льющейся воды. По крайней мере, ближайшие десять минут я могла провести в относительно спокойствии. Я прибавила звук на телефоне и почти начала понимать, что происходит на экране, когда дверь ванной открылась. Дамиан вышел, на ходу вытирая волосы полотенцем. На нём были чёрные спортивные штаны и серая футболка, влажно прилипшая к плечам, я тут же отвернулась, но не потому, что мне было неловко, ну, может, совсем чуть-чуть.

Он молча прошёл на кухню, открыл холодильник, достал бутылку воды и так же молча вернулся обратно. И всё бы ничего, если бы спустя минуту я не решила сходить в ванную. Первое, что я увидела, переступив порог, – мокрый пол. Второе – брошенное на стиральную машину полотенце. Я несколько секунд просто стояла, глядя на это безобразие. Потом закрыла глаза, сделала вдох, потом выдох. Нет, я не собираюсь из-за этого устраивать скандал. Я взрослый человек. Я могу проигнорировать мокрый пол. Могу. Могу же?

Спустя тридцать секунд я уже стояла в дверях гостиной.

– Ты мог бы хотя бы вытереть за собой воду.

Он поднял взгляд от ноутбука.

– Что?

– В ванной. Там теперь можно проводить соревнования по заплыву.

Он несколько секунд смотрел на меня так, будто пытался понять, серьёзно я сейчас говорю или нет.

– Вытру.

И снова опустил взгляд в экран. Меня почему-то это разозлило ещё сильнее.

– И всё?

– А должно быть что-то ещё?

– Не знаю. Например: «Извини».

Он медленно закрыл ноутбук.

– Извини.

Его голос был абсолютно ровным. Настолько ровным, что это прозвучало хуже, чем если бы он вообще ничего не сказал.

– Удивительно.

– Что именно?

– То, что ты вообще знаешь это слово.

Повисла тишина, кажется, именно в этот момент мне следовало замолчать. Но, к сожалению, это никогда не было моей сильной стороной.

– Послушай, я понимаю, что это твоя квартира и всё такое, но здесь теперь живут и другие люди.

– Я в курсе.

– Правда? Потому что пока складывается впечатление, что нет.

Он поднял на меня взгляд. Спокойный. Слишком спокойный.

– У тебя какая-то проблема, Селина?

– Да.

Ответ вылетел быстрее, чем я успела подумать.

– Какая?

– Ты.

Тишина. Где-то в соседнем дворе залаяла собака.

– Очень содержательно, – наконец произнёс он.

– А чего ты ожидал? Пять дней назад я переехала в новый город, а теперь живу с человеком, который разговаривает примерно как автоответчик.

– И это тебя задевает?

– Нет. Меня задевает то, что ты ведёшь себя так, будто мы поселились у тебя из милости.

– Потому что это моя квартира.

Я замолчала. Это было неприятно. Очень неприятно.

– Знаешь что? – я скрестила руки на груди. – Тогда в следующий раз предупреждай, когда собираешься приводить сюда свою девушку посреди ночи.

Кажется, впервые за всё время выражение его лица изменилось. Совсем немного.

– Серьёзно?

– Более чем. Некоторые вещи сложно забыть, когда стены здесь толщиной с бумагу.

– Тогда купи беруши.

Я даже рассмеялась, коротко и совершенно безрадостно.

– А ты купи чувство такта.

Он смотрел на меня несколько секунд. Потом спокойно произнёс:

– Мир не обязан подстраиваться под тебя, Селина.

– Отлично. Тогда и под тебя тоже.

– Я этого и не требую.

– Серьёзно? Потому что со стороны выглядит именно так.

Он медленно поднялся с дивана.

– Если тебе настолько не нравится жить здесь, дверь находится в конце коридора.

И вот это меня задело. Потому что за последние несколько дней этот город успел стать для меня чужим. Университет – чужим. Квартира – чужой. И услышать это именно сейчас было словно получить пощёчину.

– Не переживай, – тихо сказала я. – Последнее, чего мне хочется, – задерживаться там, где мне не рады.

Впервые за весь разговор в его взгляде мелькнуло что-то похожее на сожаление. Но лишь на секунду.

– Я не это имел в виду.

– А прозвучало именно так.

Я развернулась раньше, чем он успел что-то ответить, и захлопнула дверь своей комнаты с такой силой, что со стены, кажется, свалилась одна из фотографий Макса. Отлично. Прошла всего неделя, а я уже успела возненавидеть старшего брата своего парня. Я не выходила из комнаты целый день. Даже Макс уже вернулся, и когда зашёл в комнату, сразу понял, что что-то не так.

– Что в моё отсутствие случилось? Что ты опять натворила, Селина?

У меня аж брови поползли вверх от его слов, я вскочила с кровати и уставилась на него.

– Что ты сказал? Повтори!

– Селина, я устал. Не начинай.

– Ты? Устал? От чего же, будь мил, объясни. От чего устал, Макс? – я уже перешла на крик.

– Не ори! Я тебя слишком хорошо знаю! Сама начинаешь какую-то дичь, а мне приходится краснеть! – теперь и Макс повысил голос.

– Так что же ты молчал всё это время? Что тебе, бедненькому, приходится стыдиться меня? Уж не ожидала. Тогда не стыдись! Не стыдись! Зачем тогда со мной, а?

– Селина, закрой свой рот, иначе

– Иначе что?! Накажешь?

Макс резко выдохнул и закрыл глаза.

– Селина, прекрати.

– Нет, это ты прекрати! Сначала твой брат выставляет меня идиоткой, потом ты приходишь сюда и даже не спрашиваешь, всё ли со мной в порядке!

– Потому что я уже знаю ответ!

– Правда? И какой же?

– Ты снова устроила скандал на пустом месте!

Я замерла. Что-то внутри неприятно сжалось.

– Значит, вот как ты думаешь?

– Я думаю, что ты устала, переезд выбил тебя из колеи, и теперь ты срываешься на всех вокруг!

– Нет, Макс. Я срываюсь не на всех. Только на тех, кто считает, что знает меня лучше, чем я сама.

Он тяжело вздохнул.

– Ты сейчас даже не слышишь меня.

– А ты никогда меня не слышал!

Слова вылетели сами собой. Макс нахмурился.

– Что?

– Ты всегда всё решал за нас! Всегда! Какой университет, какой город, где жить! Даже сейчас ты пришёл сюда не потому, что переживаешь за меня, а потому что тебе стыдно перед братом!

– Это неправда.

– Тогда скажи мне в глаза, что тебе ни разу не было стыдно за меня!

Молчание. Всего несколько секунд, но мне этого хватило. Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

– Господи

– Сели

– Нет. Не надо.

Я отступила на шаг.

– Просто не надо.

– Ты сейчас говоришь на эмоциях.

– А ты вообще когда-нибудь говоришь на эмоциях?

Я уже кричала. Впервые за долгое время.

– Иногда мне кажется, что ты встречаешься не со мной, а с какой-то версией меня, которая существует только у тебя в голове!

– Прекрати.

– Той, которая никогда не злится! Не кричит! Не создаёт проблем!

– Селина.

– Может, тебе стоило начать встречаться с кем-то другим?

Комната погрузилась в тишину. Я сразу поняла, что сказала лишнее. Что-то изменилось в его лице, словно внутри него оборвалась последняя натянутая нить.

– Не смей, – тихо произнёс он.

– Почему? Потому что это правда?

– Я сказал, не смей.

– А что ты сделаешь, Макс?

Он сделал шаг вперёд. Я впервые в жизни инстинктивно сделала шаг назад, и именно это, кажется, разозлило его ещё сильнее.

– После всего, что я для нас сделал, ты смеешь говорить мне такое?

– Для нас? Или для себя?

– Замолчи.

– Нет.

– Замолчи, Селина.

– Нет!

Следующее произошло настолько быстро, что я даже не сразу поняла. Он схватил меня за запястье настолько сильно, что у меня перехватило дыхание.

– Мне больно, Макс.

Но он будто не слышал.

– Ты хоть понимаешь, сколько раз я выбирал тебя?!

– Отпусти меня!

Его пальцы лишь сильнее сомкнулись на моей руке, и в этот момент я увидела то, чего не видела за все три года. Гнев. Настоящий, не раздражение, не усталость, а гнев. На долю секунды его правая рука дрогнула, словно он сам не понимал, что собирается сделать.

А потом дверь комнаты с грохотом распахнулась.

– Отпусти её.

Голос Дамиана прозвучал так спокойно, что от этого стало только страшнее. Мы оба обернулись. Он стоял в дверях, опираясь рукой о косяк. Его взгляд был прикован к моему запястью.

– Не лезь, – резко бросил Макс.

– Я сказал, отпусти её.

В комнате стало тихо. Насколько тихо, что я слышала собственное сердцебиение.

– Это не твоё дело.

Дамиан сделал шаг вперёд.

– Ошибаешься.

Макс впервые за всё время посмотрел на брата так, будто видел перед собой совершенно чужого человека.

– Не начинай.

– Тогда отпусти её.

Я почувствовала, как пальцы Макса наконец разжались. На коже тут же проступили красные следы. Он отступил на шаг назад и несколько секунд просто смотрел на свою ладонь, будто только сейчас осознал, что сделал.

– Сели, я

– Не надо.

Мой голос звучал непривычно тихо. Макс поднял на меня взгляд, и впервые за три года я увидела в его глазах страх. Я молча обхватила запястье другой рукой, а потом вдруг поняла одну простую вещь. В тот вечер я испугалась не Дамиана. Я испугалась человека, которого любила почти три года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.